

ПОКА САМА НЕ ПОЗОВУ

Тея Шафран

18+

Тея Шафран

Пока сама не позову

«Автор»

2026

Шафран Т.

Пока сама не позову / Т. Шафран — «Автор», 2026

Соня Верхова вписывает в брачный договор один пункт: Даниил Крылов не входит в её комнату и не начинает близость, пока она сама не попросит вслух. Брак на девяносто дней нужен его фирме. Ей нужен сезон для мастерской. Деньги за уход она получает в первый день и может расторгнуть всё одним сообщением. Они живут через стену. На примерке оба уже хотят друг друга. Он держит слово. Она откладывает фразу, от которой откроется дверь. Когда фирме жена больше не нужна, срок в бумаге снимают. Остаётся попросить ещё раз, уже без договора. «Пока сама не позову» — первая книга серии «Одно условие». Современный любовный роман, 18+. Близость взрослых по согласию, без жестокости и натурализма.

© Шафран Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пункт шестой	6
Глава 2. Две двери	9
Глава 3. Молния	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Тея Шафран

Пока сама не позову

Это художественный вымысел. Совпадения имён и событий с реальными людьми случайны. Возрастное ограничение: 18+.

Глава 1. Пункт шестой

Соня пришла на пятнадцать минут раньше и всё равно оказалась второй. В приёмной пахло апельсиновой химией. Секретарша протирала подоконник и кивала на дверь так, будто Соня тут не первый сезон.

Даниил сидел у окна, пиджак на спинке стула. На щеке, ближе к уху, белела свежая царапина от бритвы. Он встал. Руку не протянул. Соня это отметила и сразу разозлилась, что отмечает.

— Верхова, — сказал он. — Крылов. Мы виделись в марте, когда подавали.

— Я помню.

В марте он был в пальто и смотрел в пол, пока она диктовала паспорт. Сегодня смотрел на неё. Недолго. Так смотрят на человека, с которым предстоит делить кухню, и проверяют, не ошиблась ли память.

Салмин вышел сам, без секретарши. Очки он протёр краем галстука и сразу надел обратно, так что толку от протирки не было.

— Свидетельство завтра в одиннадцать, отдел на Покровке, — сказал он. — Сегодня только бумага между вами. Покупатель её не увидит. В ЗАГС её тоже не понесём. Там брак настоящий. Здесь ваши условия.

Соня положила на стол свой экземпляр. Бумага уже была тёплая от папки. Красная ручка лежала сверху. Ручка писала через раз и на слове «вслух» вчера посадила кляксу. Клякса никуда не делась.

Салмин нашёл шестой пункт глазами, хотя Соня не называла номер.

— Читать будете вы, — сказала она Даниилу. — Вслух. Иначе я не подпишу соседние.

Даниил взял лист. Сел. Читал не как тост и не как приговор, а как человек, который на работе читает вслух, чтобы второй услышал ту же фразу, а не свою.

— Крылов не входит в комнату Верховой и не начинает близость, пока Верхова сама, вслух, трезвая, не попросит об этом своими словами. Молчание, кивок и слово «потом» означают отказ. Крылов имеет право переспросить один раз.

На «вслух» ручка когда-то споткнулась. Буква «х» утонула в красном. Даниил потрогал кляксу пальцем. Палец остался чистым. Чернила высохли ещё в мастерской.

— Перепишу начисто, — сказал Салмин.

— Нет, — сказала Соня. — Пусть остаётся. Пусть распишется рядом, что читал и это тоже.

Даниил посмотрел на неё поверх листа.

— Вы думаете, я подпишу не глядя.

— Я думаю, что красивые экземпляры потом живут отдельно от того, о чём договорились. Мне нужен этот.

Он взял её ручку. Ручка снова не писала. Он потряс её, как трясут градусник, и вывел рядом с кляксой «читал, Крылов» и число. Чернила легли бледнее, чем она привыкла. Всё равно легли.

Салмин кашлянул в кулак.

— По деньгам. Восемьсот сорок тысяч сегодня, назначение «сезон мастерской». Расторжение одним сообщением на мой номер и на его. Деньги при расторжении не возвращаются. Ключ от вашей комнаты один, он у вас. Дубликат не заказывается. Это пункт третий и пункт седьмой, я их не трогал.

— Дом всё равно продадут, — сказала Соня. — Через девяносто дней.

— Через девяносто дней подписывают основной договор, — сказал Даниил. — Если мой голос к этому дню есть. Голос есть, если я женат. Так отец написал. Дядя продаст быстрее и

дешевле, и вашу мастерскую выставят вместе с первым этажом в октябре, не в декабре. Я вам это уже говорил. Повторяю, потому что завтра будет не до разговоров.

Он не оправдывался. Соня кивнула. Ей не нужен был человек, который стыдится отцовской бумаги. Ей нужен был сезон: шесть платьев для камерной сцены, бельё под них, и Лена, которой в октябре некуда девать раскрой, если дверь мастерской закроют.

— Завтра на регистрации целоваться не будем, — сказала она. — Если спросят, я скажу сама.

Салмин впервые за утро посмотрел на неё с интересом, не с расчётом.

— Они не всегда спрашивают.

— Если спросят.

Даниил кивнул. Один раз. Так он кивнул и на шестой пункт.

Секретарша принесла платёжку. Соня продиктовала счёт по цифрам, не по бумажке. Цифры она помнила. Бумажку всё равно достала и сверила, потому что память на деньги у неё была хорошая, а доверие к чужим рукам никакое. Салмин отправил. Телефон Сони лежит экраном вниз. Она не переворачивала его сразу. Допила воду из бумажного стаканчика. Стаканчик пах тем же апельсином, что подоконник.

Телефон коротко стукнул о стол. Соня перевернула его. Сумма сошлась. Назначение сошлось. Она открыла операцию ещё раз, потому что первый взгляд всегда врёт, когда очень нужно, чтобы не врал.

— Пришло, — сказала она.

Даниил не сказал «поздравляю». Салмин убрал очки и снова надел.

— Завтра без этой папки, — сказал он. — Папка остаётся у меня в сейфе. Вам обоим копиями. Свидетельство после регистрации заберёте себе, Верхова. Храните как хотите. В сделку его понесём мы.

На улице было сухо и уже не лето. Соня надела куртку поверх фартука. Фартук она так и не сняла. Мел на кармане расписался белой полосой по тёмной ткани. Даниил шёл рядом до угла и не брал её под руку.

— Мастерская сегодня работает, — сказала она. — Завтра после ЗАГСа я привезу вещи. Стойку с муслином не по лестнице. У вас там лифт?

— Грузовой, с торца. Я встречу.

— Лена придёт со мной. Она свидетель. Второго вы берёте своего.

— Салмин.

— Он умеет молчать на чужих церемониях?

— Он умеет молчать, когда я плачу ему за молчание. Завтра он молчит бесплатно. Я попрошу отдельно.

Соня остановилась у перехода. Сумка била по бедру папкой.

— Крылов. Если вы решите, что пункт шестой — это игра, я напишу Салмину в ту же минуту. Мне не нужно дожидаться ночи.

— Я читал его вслух, — сказал он. — Играют те, кто не читает.

Свет сменился. Он не пошёл за ней. Соня видела это в стекле остановки: он остался на своей стороне и поднял воротник, хотя ветра почти не было.

В мастерской Лена кроила косую бейку и не подняла головы, пока Соня не сняла куртку.

— Ну?

— Пришло.

— А он?

— Подписал. Читал сам. Ручка опять дохла на том же слове.

Лена вынула булавку изо рта.

— Завтра я в блузке. На манжете, может, останется булавка. Я сниму, если успею. Целовать его при мне не надо, я этого не переживу, у меня давление.

— Не будем.

— Вот и хорошо.

Соня повесила фартук на гвоздь, потом сняла снова и сунула в пакет. Завтра в ЗАГС в фартуке нельзя, даже если очень хочется прийти своей. Она достала из ящика серый рукав, сшитый утром из остатка подкладки. Свидетельство должно было лечь туда и не замяться на сгибе. Рукав получился чуть шире, чем надо. Соня не стала перешивать. Лишнее она умела оставлять, когда оно не мешало шву.

Вечером она ела холодную котлету стоя, над раковиной в подсобке. Хлеб был со вчера. Чай она заварила и забыла. Когда вспомнила, чай остыл до того состояния, в котором его уже не спасает даже жадность.

Телефон она проверила в третий раз. Восемьсот сорок тысяч никуда не делись. Сообщение Салмину она набрала и стёрла. Писать было не о чем. Договор держался. Рука не дрожала. Это её злило отдельно: она ждала дрожи, как ждут доказательства, что сделка тебя хоть немного царапает. Царапина осталась на его щеке, не на ней.

Перед сном она ещё раз прочитала шестой пункт в своей копии. Клякса на «вслух» была на месте. Рядом его подпись, бледная, с нажимом в конце, где ручка наконец проснулась.

Соня сказала в пустую подсобку, для проверки голоса:

— Зайди. Я прошу.

Фраза легла ровно. Слишком ровно для комнаты, где не было адресата. Она пообещала себе, что в его доме этой фразы не будет, пока она сама не решит, что адресат имеет право её слышать.

Свет она выключила не сразу. На столе остался мел. Соня смахнула его в ладонь и высыпала в мусор, чтобы завтра не прийти в отдел с белыми пальцами.

Глава 2. Две двери

Грузовой лифт пах сырой фанерой. Лена въехала спиной вперёд, держа стойку с муслином, и сказала «тихо», хотя в лифте кроме них не было никого. Даниил ждал на площадке второго этажа. Рубашка та же, что вчера, или такая же. Соня не стала выяснять. Ей хватило того, что царапина на щеке затянулась тёмной ниткой.

ЗАГС они закрыли час назад. Женщина за столом говорила быстро, как говорят люди, у которых после вас ещё трое. Кольца лежали в коробочке из аптеки, не из ювелирного. Его кольцо село сразу. Её кольцо провернулось на пальце, когда она расписывалась. Женщина спросила, будут ли они целоваться. Соня сказала: не будем. Даниил сказал: как она сказала. Женщина кивнула без обиды, поставила печать и пожелала согласия. Слово «согласие» в этом кабинете звучало как пункт, не как пожелание. Соне это подошло.

Свидетельство она убрала в серый рукав ещё на крыльце. Лена на манжете булавку всё-таки не сняла. Салмин сделал вид, что не видит.

Теперь Лена поставила стойку в коридоре и огляделась.

— Где её комната.

— Налево, — сказал Даниил. — Моя направо. Кухня прямо. Душ один, между нами. Замок на её двери я не трогал. Он старый. Если не нравится, я куплю другой сегодня.

— Я привезла свой, — сказала Соня.

Замок лежал в коробке, вместе с отвёрткой и одним ключом на красной бирке. Второй ключ она не заказывала. В магазине продавец спросил «супругу сделать». Соня сказала нет так быстро, что продавец решил, будто супруга нет, и больше не спрашивал.

Даниил держал ответную планку, пока она крутила шурупы. Руки их не встретились. Он стоял сбоку, чтобы не закрывать ей свет из окна. Окно выходило во двор, где сушилась чужая куртка на чужом балконе. Куртка была синяя и капала.

— Здесь половица врёт, — сказал он, когда она вышла проверить язычок замка. — Третья от лестницы. Если ночью покажется, что в доме кто-то есть, это она.

— А если это будете вы?

— Я хожу у стены. Половица молчит.

Соня проверила. Третья доска пискнула под её каблуком и промолчала, когда она встала ближе к плинтусу. Она запомнила телом, не головой.

Лена уехала на такси с пустой стойкой, потому что муслин Соня оставила. В дверях Лена сказала тихо, уже без булавок во рту:

— Я на связи. Если что, не геройствуй. Пиши мне, не ему.

— Я знаю.

— Ты знаешь. Ты ещё и гордая. Это две разные беды.

Дверь за Леной закрылась. В квартире стало слышно, как в трубе идёт вода. Сосед сверху мыл посуду. Даниил стоял на кухне и не включал чайник, пока Соня не вошла.

— Молоко купил, — сказал он. — Лена вчера написала, что вы пьёте с молоком. Я не пью. Полка левая ваша. Правая моя. Средняя пусть будет ничья, там хлеб и соль, их глупо делить.

Молоко было обычное, в мягком пакете, не в стекле. Соня убрала его к себе. Ей не понравилось, что её привычку передали без неё. Ей понравилось, что он не сделал из этого разговора о заботе.

Она написала расписание душа на карточке из-под ниток. Карточка была жёлтая. Булавкой она приколола её к косяку.

— Мне в шесть сорок и в десять вечера. Вам в семь десять. Если вам нужно позже, пишите на карточке снизу, не стучите. В десять я уже могу быть в халате. Стучать в халате я не хочу обсуждать.

— Не буду стучать.

— Вода греется долго. Я проверяла кран. Минуты три бежит ржавая, потом нормальная. Ржавую не пейте и на неё не ругайтесь, я тоже буду ждать.

Он прочитал карточку. Кивнул. Достал из кармана карандаш и под карточкой, мелко, написал: «после полуночи, если свет у вас погашен». Почерк был тот же, что в «читал, Крылов». С нажимом в конце.

Соня разобрала сумку. Платьев она взяла два, оба рабочие, никакого «для мужа». Бельё убрала в ящик до того, как он мог пройти по коридору. Кольцо сняла и положила в пиалу на подоконнике. Палец под кольцом побелел. Она растёрла его и снова надела. Снимать в первый день было бы трусостью, которую она себе не подпишет. Носить его в мастерской она будет на цепочке. Цепочку она забыла дома, на гвозде. Придётся терпеть до завтра.

Даниил принёс со двора её коробку с колодками. Коробка была тяжёлая. Он поставил её у двери мастерской, не переступил порог цеха. Мастерская занимала первый этаж и пахла утюгом. Он вдохнул этот запах на площадке и не зашёл.

— Сюда я тоже без спроса не вхожу, — сказал он. — Это не в договоре. Я добавляю сам.

— Добавляйте. Лена кусается без договора.

— Я видел булавку.

Вечером они ужинали врозь и всё равно на одной кухне, потому что стол был один. Соня ела гречку из контейнера, который Лена сунула ей в сумку ещё утром. Даниил ел хлеб с сыром и пил чай без молока. Телефон его лежал экраном вниз, как утром её. Один раз экран мигнул. Он не перевернул.

— Завтра у вас примерка, — сказал он. — Полина Ершова, сестра покупателя. Платье к их вечеру. Она просила, чтобы я был в доме, на случай если она захочет говорить про сроки дома, а не про швы. Я могу быть на первом этаже, за дверью. В примерочную не войду.

— Если молния встанет, я позову Лену.

— Лена завтра у врача до двух. Вы сами говорили Салмину.

Соня помнила. Она сказала это в марте, в другом разговоре, и не думала, что он хранит чужие расписания. Хранил.

— Тогда позовёте вы, если я крикну из комнаты. Не раньше. И руки только туда, куда я скажу.

— Это уже шестой пункт.

— Это молния. Не путайте.

Он допил чай. Чашка стукнула о блюдо тише, чем она ожидала.

— Спокойной ночи, Верховая.

— Спокойной ночи.

Она закрыла свою дверь и повернула новый ключ. Ключ шёл туго. Завтра разработается. Соня оставила его в замке изнутри, бирка краснела на ладони, когда она проверяла, что снаружи пусто.

Его шаги прошли у стены. Третья половица промолчала. Дверь его комнаты закрылась без щелчка, он придержал язычок.

Соня легла поверх покрывала, в одежде, потому что разбирать постель в первую ночь не хотелось. Кольцо холодом держало палец. За стеной, в душе, вода сначала бежала плохо, с ржавым звуком, потом ровно. Он не стучал. Карточка на косяке была не для него в этот час. Она слушала воду и думала о молнии, которой ещё не было, и о том, что завтра, если ткань заест, ей придётся называть вслух совсем другую фразу. Короткую. Про шов, не про себя.

Вода стихла. Дом сел на ночь. Соня повернула подушку холодной стороной и только тогда сняла платье. Кольцо она не сняла.

Глава 3. Молния

Полина Ершова опаздывала на сорок минут и предупредила об этом сообщением без запятых. Соня успела отпарить муслиновый макет и дважды проверить, что в примерочной нет булавки остриём вверх. Лена написала из поликлиники: «я до двух, не геройствуй с посадкой, если что оставь на мне».

Даниил сидел в мастерской на табурете у двери, как и обещал. В цех он не заходил. На коленях у него был не ноутбук, а бумажный план дома, сложенный так, что углы уже разлохматились.

— Она будет говорить про сроки, — сказал он. — Вы можете не отвечать. Сроки не ваша работа.

— Если она будет вертеться в муслине и говорить про сроки, я отвечу, что шов перекосит. Это моя работа.

Полина вошла с шорохом пальто и сразу спросила, где можно курить. Курить было нельзя. Она кивнула так, будто это личная обида дома, не правило, и повесила пальто на стойку с готовым бельём. Соня перевесила пальто на крючок.

— Брат сказал, дом закрывают в декабре, — сказала Полина, уже в примере, через ширму. — Мне нужно платье к их вечеру в ноябре. Если вы съедете раньше, кто дошьёт.

— Дошью я, — сказала Соня. — Адрес мастерской в декабре будет другой. Платёж за ваш заказ уже отдельно от дома.

— Удобно вышли замуж, — сказала Полина. Не зло. С любопытством человека, которому нечем занять руки, пока застёгивают крючки.

Соня не ответила. Макет сел по спине хорошо, по пройме плохо. Она наколола запас. Полина дышала чаще, чем надо на примерке, и Соня попросила дышать как на улице, не как на сцене.

— Можно вас одну минуту, — сказала Полина Даниилу через ширму. — Брат на линии. Он хочет слышать вас, не портнику.

Даниил вышел в коридор. Голос его оттуда доносился ровно, без тех слов, которые Соня могла бы потом цитировать. Полина вышла следом, в макете, и прикрыла дверь не до конца. Соня осталась у стола. Молния на втором макете, том, что она надела на себя, чтобы сверить спину, дошла до лопаток и встала.

Зуб зажевал край припуска. Соня потянула вниз. Ткань побелела на сгибе. Ещё немного, и муслин поехал бы. Лена была в поликлинике. Полина за дверью говорила брату «я в каком-то мешке». Даниил молчал в трубку, Соня слышала паузы.

Она открыла дверь на ширину ладони.

— Крылов. Молния. Полина пусть останется в коридоре. Мне нужна рука сзади, и только на ткань.

Он передал Полине телефон и вошёл. Дверь он прикрыл. Не на замок. Замка на примерочной не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.